

Ростислав АЛЕКСАНДРОВ НАВСЕГДА ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ

Давно известно, жизнью подтверждено и опытом проверено, что новое — это зачастую хорошо забытое старое. Но точно так же можно сказать, что очень многое старое теперь так хорошо забыто, что никогда уже новым не станет. Примеров хватает, в частности, профессии и занятия людей, и одесских в том числе.

Барабанщик в младенческие годы Одессы состоял при полиции, ходил по улицам и барабанным боем обращал на себя внимание горожан, опосля чего зачитывалось важное сообщение или распоряжение.

Каретник Браун строил экипажи, которые были, как сказал бы Остап Бендер, "не роскошь, а средство передвижения".

Извозчик Береза частенько возил Пушкина на дачу Рено, что была по дороге в нынешнюю Аркадию. К этому занятию допускались лишь мужчины не моложе семнадцати лет, представительницам же слабого пола дозволялось только содержать заведения извозного промысла.

Ландкучера из заведения Франца Вернера в экипажах, приспособленных для дальней дороги, перевозили пассажиров из Одессы через Броды во Львов, по-тогдашнему Лемберг, откуда на перекладных можно было добраться хоть до самого Ла-Манша.

Водовозы колесили по городу, продавая колодезную воду или набранную из фонтанов ключей, которые дали название живописным окрестностям: Малый Фонтан, Средний Фонтан, Большой Фонтан.

Разливщик вин в бутылки и укупорщик Сергей Урфалов был занят с утра до ночи, поскольку в старой Одессе дарящий радость напиток всегда имелся в изобилии.

Футлярный мастер Гедде мочил картон, отжимал, формовал, пропитывал растительным маслом, сушил, шлифовал, обтягивал сафьяном или кожей, и получался у него изящный футляр.

Мосье Антуан давал напрокат маскарадные костюмы и не оставался без дела, поскольку дама или кавалер не могли позволить себе два раза подряд появиться в одном и том же костюме, а каждый раз покупать или заказывать новый для многих было накладно.

На базарах располагались "холодные парикмахеры", весь инвентарь которых состоял из двух табуретов. Когда подходил клиент, они усаживали его на табурет и начинали брить или стричь. Но если подходил другой, парикмахер в опасении того, что тот не захочет ожидать своей очереди и уйдет к коллеге, оставлял первого — куда он денется наполовину стриженный или бритый? — и начинал заниматься вторым.

"Холодные" фотографии вешали на улице, чаще всего возле базаров, холст с нарисованным пейзажем и прорезанным овальным отверстием, в которое клиент просовывал голову. Мастер наводил на него стеклянный зрачок деревянной камеры-ящика на треноге, круговым движением снимал и надевал крышку объектива, производил какие-то таинственные манипуляции и вручал еще влажный снимок. И гражданин в пиджачке и мятой кепке лицезрел себя в развешиваемой бурке верхом на лихом коне.

В Городском саду зарабатывали себе на хлеб "холодные астрономы" — ставили телескоп и за плату предлагали публике "ознакомиться с небесными светилами — Венерой, Марсом, Юпитером со спутниками и Сатурном с его удивительными кольцами".

Мадам Штолпе графила конторские книги. Лопатники, задыхаясь от удушливой пыли, перелопачивали зерно для проветривания его и очистки от примесей в огромных амбарах, именовавшихся в Одессе магазинами.

Биндюжники возили в порт мешки с пшеницей, а оттуда всякие, как их называли, колониальные и товары.

Портовые грузчики бесконечной чередой носили и носили эти мешки по дощатым сходам на парусные корабли, а потом на пароходы.

Прислуга-ключница хранила ключи от всех замков в доме.

"Портретный силуэтчик" Иван Вейс вырезал силуэты до появления в Одессе фотографов.

Пепиньрки, окончив среднее учебное заведение, оставались в нем для подготовки к обязанностям учительницы или классной дамы и для практики занимались с ученицами младших классов.

Эрнст Велли в конце 1820-х годов составлял "разных сортов ликеры в продолжении пяти минут, самой лучшей доброты за весьма умеренную плату". Поскольку ликеры так быстро не делают, "произведения" Велли можно, наверное, считать первыми или одними из первых коктейлей в Одессе.

Торговцы вразнос с лотком на перекинутом через плечо ремне ходили по улицам и продавали папиросы, спички, табак, леденцы, лимоны...

Упаковщик И. Славский так паковал зеркала, хрустальную, равно как фарфоровую посуду, часы и другие хрупкие вещи, что все они при переезде хозяина в другой город прибывали туда в целостности и сохранности.

Тапёр Л. Праусс всегда готов был прибыть на бал, танцевальный вечер, куда угодно, лишь бы там понимали, что "без хорошей музыки нет удовольствия в танцах". С появлением кинематографа коллеги Праусса "наяривали" на пианино в иллюзионе "Шантеклер" на Малой Арнаутской, 40, и многих других, сопровождая музыкой демонстрацию какой-нибудь немой, как тогда говорили, фильму вроде душещипательной "И тайну море поглотило" или нашумевшей "Молчи, грусть, молчи!" с участием королевы экрана Веры Холодной.

Старьевщики, именуемые в Одессе старевщиками, бродили по дворам, оглашая их пронзительными выкриками: "Старые вещи покупай, старевещ, старевещ!".

По утрам во дворах появлялись молочницы с жестяными бидонами — "Молоко! Кому молоко?!", а в конце дня — "рыбные торговки" "Риба, дамы, риба!!!".

Предлагали свои услуги стекольщики — "Стекла вставляем, стекла!", точильщики — "Точить ножи, но-о-о-жницы!", "паяльщики", которые давали ремонт любой железной посуде — "Пай-ять — почи-няты Ведры, чайники, миски-и! Каструли починять!".

Фонарщики, вышагивая с лестничкой на плече, в положенное время зажигали, а на рассвете тушили поначалу заправленные салом, потом масляные, позже керосиновые и, наконец, газовые фонари.

Какие-то граждане из канифоли, касторового масла, меда или патоки приготавливали липкую массу и наносили ее на листы пергаментной бумаги, а торговцы ходили с ней по дворам: "Липкая бумага для мух! Липкая бумага! Купите, и будете спать спокойно!".

"Котлетчик" Бойченко по кличке Костя Понтовщик продавал полированные медные часы за золотые, и находились покупатели, потому что, как известно, жадность фраера губит.

На вокзале и в порту дежурили комиссионеры второклассных гостиниц, наметанным глазом определяли иногородних и буквально силком тащили их к извозчику, чтобы отвезти в какую-нибудь "Америку" или "Невскую" в Красном переулке, 10.

Мелкие маклеры, "лепетутники", как их называли в Одессе, целый день мотались по городу в надежде заработать хоть какой-нибудь рубль.

Установщик колокольчиков Бонардо подвешивал их в квартирах до появления механических, а потом электрических звонков.

Петр Матвеев делал "дамские черепаховые гребни лучшей доброты и фасона".

Цирюльник Артем Казанцев не только стриг и брил, но "кидал кровь" и зубы вырывал у болящих клиентов.

Лаврентий Певеротти на Ришельевской улице к радости модниц доводил до первоначальной чистоты и завивал страусовые перья, из коих были изготовлены боа и веера.

Золотари, которые чистили отхожие места, разъезжали по городу на телеге с бочкой и черпаком, главным своим инструментом. О них когда-то даже анекдот придумали, теперь начисто забыты: "Проезжая после работы мимо Городского театра, золотарь останавливается, чтобы пропустить густой толпой выходящих оттуда кавалеров и дам в нарядных туалетах, и предупреждает своего помощника: "Сильно много людей, смотри, чтобы черпак не украл!". Последнее слово, конечно, было заменено синонимом, соответствующим его лексикону.

Рисовальщик гербов И. Тессен изображал их на бумаге, металлической пластине или деревянном планшете для тех, кто гордился своим родом.

В мастерской С. Глазера "приводили в новый вид" залоснившиеся от длительного ношения соломенные шляпы — канотье, без которых уважающие себя граждане не появлялись на улице даже в разгар одесского лета.

Фейерверкмейстер Иосиф Роджеро зажигал в небе многочисленные огненные картины.

Полотеры исполняли на своих щетках однообразный и бесконечный танец, оставляя за собой до зеркального блеска начищенный "из воском" паркет.

Дмитрий Бацак сидельцем был в монополюшке на Дальничкой, 34, то есть продавцом в казенной водочной лавке, подобно семидесяти другим, главным образом, женского пола, для коих на такой службе соблазна имелось меньше.

Бродячий кукольник с корзиной и легкой ширмой на удовольствие детворы устраивал во дворах представления с Петрушкой — длинноносой куклой, которую на Юге называли Ванькой-Рутютю.

Паровозные машинисты водили поезда, куда рельсы проложены, а потом возвращались к себе на Ближние Мельницы с неизменным железным сундучком для инструмента.

Кочегары пароходов так забрасывали уголь в топку котла, что он горел так равномерно и весело, а легкий дым из трубы быстро рассеивался в небе над морем.

Тачечники перевозили все, что помещалось на их двухколесных тачках.

Братья Кляр зимой заготавливали, а летом



продавали лед для домашних, магазинных и ресторанных ледников, а мальчишки разносили по базарам и улицам "холодную воду с ледом!".

"Телефонные барышни" на Греческой площади, 5, без устали соединяли абонентов: "Барышня, дайте 42-88!".

Слесарь Г.А. Радионов на Садовой, 19, чинил примуса "с гарантией правильного горения".

Лудильщик Рапп покрывал тончайшим слоем олова внутреннюю поверхность самоваров и медной посуды, которую без полуды использовать было крайне вредно.

Продавцы газированной воды считались чуть ли ни механиками, поскольку имели дело с сатураторами, баллонами, наполненными углекислотой и снабженными манометрами, следили за давлением газа, и по этой части могли поговорить с Остапом Бендером, утверждавшим, что "на каждого гражданина давит столб воздуха силою в двести сорок пять килограмм".

Приходил во двор шарманщик, крутил ручку, звучала модная песня вроде "Маруся отравилась", обезьянка корчила рожицы, и жильцы бросали из окон монетки, завернутые в бумажку. А на шарманке были нарисованы золотоволосые красавицы в окружении цветов, и лентой шла надпись "Нечада Балковская 191 Одесса" без знаков препинания, как телеграмма в далекое будущее, где ничего этого не будет, одна только грустная песня Александра Вертинского:

Каждый день под окошком
Он заводит шарманку.
Монотонно и сонно
Он поет об одном.
Плачет старое небо,
Мочит дождь обезьянку,
Пожилую актрису с утомленным лицом...

В конце концов, так оно и случилось...

Татьяна БОНДАРЧУК

А в Одессе "мы сойдемся снова"

Я родилась на углу Канатной и Жуковского, в очень старом доме с кариатидами. Бабушка, Софья Львовна Баршака, говорила, что это один из первых домов, построенных в Одессе. Не знаю, насколько она была права.

Появилась на свет я в роддоме, расположенном прямо на территории парка им Т.Г. Шевченко. Он почему-то сейчас закрыт, наверное, на реставрацию. Ожидалась я 10 августа, но в этот день ничего не произошло, и в следующий тоже. Рано утром двенадцатого мама собралась на Ланжерон — стирать ковры. Тут-то ее и скрутило. Страшные боли в пояснице — схватки.

Я начала свою жизнь 12 августа, считай, на берегу моря.

Мама моя окончила к тому времени одесский филфак, отработала по направлению в Измаиле, вышла замуж и уехала с папой

в Ленинград. Он учился там в высшей мореходке. Жили они на квартире. Хозяйка, заметив живот, сразу же отказала им. Папа перенес в обзужение, а мама вернулась в Одессу к родным.

Папа и мама меня, первую, очень любили, гораздо больше младших сестер. Это было заметно даже мне, ребенку, не говоря об окружающих.

Каждое утро мама гуляла со мной в парке. Я была беспокройной, и вот первое воспоминание: мелькает трава, наверное, коляски были низкими, я ору-разрываюсь, внезапно мысль или что-то вроде того в голове младенца: "Отчего я кричу, ведь все так хорошо!". Я усypаю...

К слову, аллеи парка за последние полвека абсолютно не изменились.

В год меня отдали в ясли, этот детсадик,

кажется, до сих пор существует, и мама стала искать работу. Тогда было "перепроизводство учителей", маме всюду отказывали, она это остро воспринимала, плакала, а соседка по коммуналке утешала: "Была бы шея, ярмо найдется". Мы — бабушка, мама, тетя и я — жили в крошечной двенадцатиметровой комнатке на четвертом, последнем этаже. Голуби с окрестных крыш слетались на наш подоконник, я их кормила хлебом. До сих пор не могу понять, как взрослые выжили в таких условиях, детям-то все равно.

В нашем подъезде на втором этаже жил Александр Менделеевич Боренбойм, звуч театрально-художественного училища.

А во дворе росло одно-единственное дерево — древняя и необъятная акация. Вокруг нее стояли скамеечки, это называлось садик. Утром мама со мной гуляла в парке, а вече-

ром выходила сюда, во внутренний скверик, Александр Менделеевич возвращался с работы: "Ой, какая красивая девочка!" — и давал мне конфету.

Как-то он увидел маму в слезах: "Проблемы?!"

Мама сказала, что не может найти работу. Александр Менделеевич быстро предложил ей свое училище, мама стала преподавать и успокоилась. Подружились с учительницей кройки и шитья Эмилией Михайловной Юрковой, муж которой написал и издал много книг о войне.

Юрковы часто приходили к нам в гости: на дни рождения и просто так. Александра Менделеевича Боренбойма за глаза почему-то все называли "Мендель". И вот Юрков как-то звонит в училище: "Товарища Менделя можно пригласить?".